

Глава 3

Аленка

Аленке снилось сначала что-то ужасное.

Перед сном она залезла на сайт Международного фонда защиты животных и прочла там о «лагерях смерти» для тюленят. Охотники отлавливают бельков и сажают их в специальные загоны, где держат без еды до тех пор, пока они не повзрослеют. Выросшие тюленята линяют. Белый мех сменяет красивая серебристая шкурка. И тогда тюленят убивают.

Во сне Алена слышала крик и плач тюленей и стук палок по мягкому телу бельков, ведь их не отстреливают, чтобы не портить мех... а...

Тут Алене привиделась красная кирпичная стена, увитая плющом. Она почувствовала, что там, за этой стеной есть то, что обогреет, даст надежду и...

Она проснулась. Села на кровати, сунула ноги в тапочки и подпрыгнула, словно наступила в лужу. Посмотрела вниз и обнаружила, что домработница Мила поставила ей отвратительные тапочки, отделанные норкой. Ни Мила, ни мама совсем не понимают, что нельзя покупать такие тапочки. Мила возражает: «Всё равно уже сделали из меха, какая разница, кто купит?» Разница большая! Чем меньше покупают, тем

меньше поддерживают ловлю норок. Если никто не будет покупать, эти тапочки перестанут шить.

Это примерно как с покупкой подснежников в метро. Милочка приносила цветы весной. Алена ругалась с ней.

«Они же все равно уже сорваны», — сказала мама тогда. Прямо как Мила с тапочками!

«Да, сорваны! — ответила Алена. — Но если ты купишь у них, то в следующий раз они опять их нарвут».

Алена осторожно взяла тапочки. Мягкий мех норки вызвал перед глазами отрывки кошмара о забитых бельках. Алена пересилила ужас, разлившийся в груди, и понесла их к шкафу.

Будь Алена чуть младше, она похоронила бы их за домом на цветочной клумбе. Но она закончила девятый класс и прекрасно понимала, что это глупо... Как говорит учительница по литературе про плохие сочинения: «Ненужный пафос».

Вообще мир глупо устроен. Странно, но еще в прошлом году ей не приходило это в голову. Она увлекалась уже и экологией, и зоологией, но вот эти противоречия так не бросались в глаза. А теперь...

Алена не понимала, как с этим можно жить. Вот она вчера прочла о бельках. Надо было бы сорваться с места и поехать спасать тюленят. Но ясно, что родители не отпустят ее... Как же можно знать и ничего не делать?

Или вот... В школе рассказывали о бережном отношении к водным ресурсам. А мама недавно налила полную ванну воды, кинула туда ароматическую бомбочку,

потом понюхала, сказала, что ее раздражает запах ландыша, слила эту воду и налила новую без всяких угрызений совести.

Алена потеряла виски. Почему все такое ненадежное? Ни на что нельзя положиться.

Даже собственное тело начало врать. Точнее, изменяться, но не постепенно, а так быстро, что не успеваешь привыкнуть. Еще вчера она себе нравилась. Сегодня было очевидно, что она полновата. И подмышки... Аленка пару раз забывала про дезодорант и ловила на себе косые взгляды одноклассниц.

Нет, в их гимназии никто ни над кем не смеялся. Никогда не знаешь, какой у кого папа или дядя, которые оплачивают обучение. В младших классах Алена одноклассница поцеловалась с пятиклассником. А он оказался внуком известного политика. И его дедушка в прямом эфире вечернего ток-шоу со смехом рассказал о поцелуе на всю страну. Девочка не ходила в школу месяц.

«А ногти? — грустно думала Алена. — Почему они ломаются? Витамины ем, а толку нет».

Она как будто потеряла доверие ко всему. Нет ничего устойчивого. И с этим надо как-то жить. Родители же живут.

Алене всегда помогало бегство в Карторию. Она жаловалась там Алексу и Сальвадору, рассказывала об ужасах, которые творятся на Земле. Они обсуждали все вместе, как Алене, которую там звали Элен, начать

действовать, спасти животных и людей. Но у родителей ведь нет своей страны, куда они могли бы убежать...

Может, они давно привыкли к тому, что вокруг, и не чувствуют ни вины, ни ужаса, когда видят поломанные деревья, нищих у церкви, голодных детей по телевизору, бродячих собак. Алену же сразу начинало душить желание им всем помочь.

Был бы у нее зонтик, как у Мэри Поппинс, она полетела бы спасти тех, кто страдает.

Вместе со странным ощущением того, что тело стало иным, Алена чувствовала иногда бешеный прилив сил. Она смотрела на свои руки, и ей казалось, что они, с виду обычные, внутри – могучие. Если ей разрешить, то она и бездомных у вокзала накормит, и ребят из детского дома развеселит, и даже демонстрацию в защиту окружающей среды проведет. Только дайте, только пустите!

Эх, если бы родители были хиппи, они бы вместе путешествовали в трейлере, как те ребята из мультика «Шевели лапами». Алена могла бы спасти выброшенных на берег дельфинов. Если бы они были агрономами, она могла бы обмазывать варом стволы поломанных деревьев.

Родители Алены были совершенно обычными. Папа, по его собственному выражению, «двигал бренды». Он каждое утро садился в блестящий поршник, как будто инкапсулировался в космический корабль, и улетал на работу.

Папа был небольшого роста, с маленькими руками и ногами, носом-крючком и большими карими глазами, которые никогда не улыбались. У папы улыбался рот, а глаза, хоть и были карими, оставались холодными.

Мама, наоборот, была красивая, зеленоглазая, с русой косой, обвитой вокруг головы, статная, как береза, и улыбчивая. Но улыбалась она потому, что Идеальная Жена и Идеальная Мать должна улыбаться.

Мама каждое утро вставала, смотрела на себя в зеркало, улыбалась изо всех сил и говорила себе: «Я идеальна, я идеальна, я идеальна». Алена сама это слышала, и каждый раз у нее мороз по коже проходил. Как будто мама ощущала себя роботом, которого нужно программировать.

Потом мама шла, гордо расправив плечи, в светлой домашней блузе и мягких брюках, на кухню, где ее ждал идеальный завтрак в исполнении Милочки.

Вообще-то они с Милой были из одной деревни откуда-то из-под Орла. Вместе они снимали комнату у какой-то вредной старухи в одном из спальных районов Москвы. Потом маме удалось выйти замуж за папу, а Милочка никого не нашла. Она так и жила с вредной старухой, и мама позвала ее к себе – помогать по дому.

– Она свой человек, – сказала мама папе тогда, – это многое значит.

– Вообще-то в моде домработницы с Филиппин, – сказал папа, – но делай как знаешь. Мне все равно.

Мама тогда задыхалась часто-часто. Алена не поняла почему — то ли потому что Милочка не в моде, то ли потому что папе «все равно». Он и правда занимал мало места в доме, их папа.

Если дом сравнить с «потребительской корзиной» (мама о ней часто рассуждает), то она, мама, Мила, даже садовник были обязательными продуктами, такими как хлеб, молоко или масло, а папа — редким и деликатесным, вроде французского сыра. Его вещи помещались всего в двух шкафах, один стоял в спальне, другой — в ванной. Как будто папа мог в любой момент улететь на другую планету...

Вообще-то он уже был женат. Алена знает это по обрывкам разговоров. А еще она нечаянно подслушала такой разговор. Мама спросила:

— Зачем она объявилась? И что ты ей сказал?

— Правду, конечно.

— А она?

— Принялась кричать. Ты же знаешь, я не перевариваю женские истерики.

— А если она захочет сама разыскать его?

— Флаг ей в руки и барабан на шею, как говорили в моем детстве. Я бы с удовольствием его отдал. Да, к сожалению, не возьмет она. Это с тухлецей товар.

— Зачем ты так о живом-то человеке...

— Для нее — с тухлецей. Да и для всех вас. Все вы...

Мама тут всхлипнула, словно укололась обо что-то, и выбежала из комнаты, чтобы папа не видел истерики.

Алене очень хотелось узнать, о ком они говорили, кого бы папа отдал бывшей жене, что за живой товар с «тухлецей», но спросить у папы не смогла. Когда она оставалась с ним один на один, ей было не по себе, словно он и правда был с другой планеты.

Алена под села к ноутбуку, вышла в сеть. Снова зашла на сайт фонда по защите животных. В комментариях к теме бельков она обнаружила граффити, заснятое в лондонском пешеходном переходе. Оно изображало охотника-убийцу с поднятым багром и распростертого тюленьего малыша.

Она зашла по ссылке на сайт граффити, прочитала интервью с художником Бэнкси. Ее заинтересовала фраза: «Большинство матерей готовы сделать все для своих детей, кроме того, чтобы позволить им быть самими собой».

Алена вспомнила, как родители запротестовали, когда она решила пойти волонтером в детскую больницу. Это будет отвлекать от учебы, и кто ее будет туда возить из Подмосковья по пробкам, и вообще — а если она чем-то заразится?

Хотя иммунитет у Алены, как и у большинства одноклассников в Рублевской гимназии, был крепкий, именно потому, что они всю жизнь живут за городом.

Надо распечатать и показать родителям слова Бэнкси.

«А может, — подумала Алена, — мне заняться граффити? Но это опять как-то небезопасно. Неужели нельзя

помогать миру спокойно? Так, чтобы не спорить с полицией, законами, а главное – родителями?»

Еще вопрос: где помощь нужнее? Ведь каждую секунду происходит что-то ужасное. Детей берут в заложники, больные умирают от нехватки лекарств, кто-то вырубает ценные породы деревьев, атмосфера загрязняется...

«И как Бог с этим справляется? – вдруг пришло в голову Алене. – Наверное, потому все это и происходит, что Он, бедный, не знает, за что хвататься. Хотя у Него должны быть помощники... Ангелы, наверное. Но значит, и они не справляются с обязанностями. Значит, и им нужны помощники».

Алена выключила ноутбук, переделась, сунула в сумку книгу «Замки Шотландии», которую обещала дать Вику, и спустилась в кухню.

Родители завтракали. Папа читал новости на своем телефоне, ел бутерброд с сыром и запивал кофе. У него на завтрак каждый день было одно и то же: каша, бутерброд с сыром, эспрессо. И новости в телефоне. Папе не надоедало. Мама медленно ела обезжиренный йогурт, глядя в окно, за которым виднелась статная, белоствольная, вся в обрамлении мелких зеленых листиков береза.

«Я знаю, на что похожа наша семья, – подумала Аленка, – на три зубных щетки в стакане. Посмотришь на них – красиво стоят, ровно. Синяя щетка – „папа“, красная щетка – „мама“, желтая – „дочка“. Но щетки

не имеют друг к другу никакого отношения. Они никак не связаны между собой».

Пару лет назад Алена бы закричала прямо с лестницы:
– Эй, вы! Мы же не щетки! Мы люди! Семья! Давайте общаться! Смеяться! Ругаться!

И прочий «ненужный пафос».

Но папа ей как-то сказал, что у каждого должна быть своя личная жизнь. И что он очень рад, что у него такая понятливая взрослая дочь.

Алена вспомнила, что у папиного заместителя пятеро детей. И когда бы папа ему ни позвонил (в нерабочее время), в трубке всегда орут дети. Папа рассказывал об этом со смехом, но не веселым, а злым и колючим. Алена же представила себе женщину, маму этих пяти-рых детей, которая вынимает из духовки шоколадный торт, а дети окружили ее, ругаются из-за того, кому достанется большой кусок, и визжат от радости. Алена даже ощутила запах этого торта.

Она посмотрела на их собственную духовку. В ней только стерилизовали банки для варенья с фруктозой, которые Милочка закручивает для мамы. Правильное питание – это еще одна добродетель Идеальной Жены в понимании мамы.

– Доброе утро, мама, папа!

Папа кивнул, не отрываясь от телефона. Алена подошла к холодильнику, вытащила миску с фруктовым салатом, нарезанным для нее Милой. Мама оторвалась от окна и изобразила на лице тревогу:

- Это все?
- Нет. Еще зеленый чай.
- Алена, мне не нравится, что ты не ешь мяса. Растущему организму необходимы белки, а не только углеводы, поверь. Как насчет йогурта?
- Попробуй хамон, – сказал папа, – отличная вещь. Мой зам из Испании привез.
- Игорь, – мягко улыбнулась мама, но в голосе звучала тревога. – Зачем ты предлагаешь девочке канцерогенный продукт? Алена, на обед отварная телятина.
- Спасибо, я не хочу.
- Канцерогенный продукт? Испанцы столетиями едят. И что такое канцерогены, ты в курсе вообще-то?
- Папа, я не ем никакого мяса, – попыталась не дать разгореться ссоре Алена, – я не могу есть друзей.
- Так что такое канцероген, Наталья? Уж коли делаешь заявления, будь добра, включай голову!
- Мама покраснела, а папа внимательно посмотрел на Алену.
- Друзей? – хмыкнул он. – Ладно, это китч. Вполне нормально для твоего возраста. А вот одежду можно было и глаженую надеть.
- Это индийский хлопок, папа.
- Ну, тут я поддержу дочь, – сказала мама, – синтетика – мертвый материал. Индийский хлопок позволяет коже дышать.
- Очередной китч, – отмахнулся папа, подливая себе кофе. – Подростковый возраст. Родители – дураки.

Сбросим Пушкина с парохода современности! Да что я буду тебе говорить, я и сам такой был. И мама.

– Я не была, – улыбнулась мама, аккуратно собрав на ложку остатки йогурта из стеклянной баночки, – я всегда была послушной девочкой. Носила то, что разрешали родители. Никуда не сбегала. Не общалась с дурной компанией. Никогда не врала.

– Вау, – сказал папа с насмешкой.

– Да! Никогда! – Голос мамы зазвенел.

Алена быстро прожевала салат. Она не переносила родительских ссор. Вообще Алене было больно от любых конфликтов. В мире и так много всего плохого, зачем еще что-то от себя лично добавлять на чашу зла? По литературе что-то рассказывали про чашу добра... Вот на эту чашу бы и положить свою гирьку. Найти себе маленькое хорошее дело и заняться им.

– Повезло твоим родителям с такой идеальной дочерью, – снова хмыкнул папа.

Тут Алена встала из-за стола и заторопилась к выходу. Зачем он всегда ее клюет, как ворон? Почему она не спорит, а только проглатывает обиды?

– Алена, подожди меня на улице, – велел папа, а мама все скребла и скребла ложечкой пустую банку. Дзынь-дзынь-дзынь...

У Рининого вольера Алена присела на корточках. Рина ткнула в сетку влажный нос и с подозрением зарычала.

– Глупая, это же я, – улыбнулась Алена, но в Рининых глазах свернуло что-то такое, отчего Алене расхотелось гладить ее по носу.

– Бедненькая, – прошептала Алена, – зачем они тебя так обозлили? Ведь поселок охраняется. И в доме сигнализация.

Рина не сводила с Алены хмурого взгляда, а потом нажала лапой на сетку вольера так сильно, что сбоку на рейке отлетел гвоздик. Получилась дырка. Если так пойдет и дальше, она прорвет сетку и выскочит. Надо сказать папе.

Алена услышала стук колес по дорожке. Папа катил чемодан – улетал в Швецию на неделю. А может, на другую планету.

– Папа, у Рины...

– Погоди, Алена, со своими животными и спасением мира. Хочу с тобой серьезно поговорить. Во-первых, такой стиль одежды неприемлем. Я хочу, чтобы ты выглядела нормально.

– Если мы поедем куда-то вместе, я оденусь так, как вы хотите, – сказала тихо Алена, – мне это не важно, правда.

– Отлично. Теперь о важном. Я хочу отправить тебя учиться в Англию.

– К-когда?

– В сентябре. Возражения есть?

– Не знаю...

– Значит, нет.

– Папа! – попыталась Алена пробиться к нему через стекло, из-за которого он с ней разговаривал. – Папа, я уже спрашивала у мамы. Она сказала: если папа разрешит. Под Смоленском есть детский экологический лагерь. Там читают лекции по биологии, экологии, проходят практику, обсуждают способы защиты окружающей среды...

– Нет.

– Но почему?

– Я был в лагере подростком и уверен: это не для тебя. Ты у нас домашний цветочек. Тепличный. Ни к чему тебе экстремальные условия. А если тебя похитят по дороге? Дочь у меня одна. И я слишком много в тебя вкладываю, во всех смыслах. Так что сиди дома, а в сентябре поедешь в частную школу под Лондоном, где за тобой будет глаз да глаз. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – прошептала Алена. Как был папа за стеклом, так и остался. А вопросы были. Почему он не слушает о том, чего хочет она, Алена? Зачем тюкает маму, она ведь и так его слушается? Почему у него глаза не улыбаются, когда улыбается рот? Он вообще ей родной папа или так... Пришелец из космоса?

Он ведь не похож на них... Алена была рослая, в маму. Как говорила Милочка, сибирская порода. А папа – ростом чуть выше Алены. И ходит сгорбившись, напряженно глядя под ноги, словно боится нечаянно наступить на что-то по дороге.

– Хоть бы спросила, что за школа, – упрекнул папа. – Только и думаешь о своих животных.

Алёна молчала. Ей казалось, что если спросить про школу, то она станет настоящей и придется в нее ехать. А если не спрашивать....

Папа покачал головой, сгорбился еще больше, залез в свой автомобиль (или космический корабль?), поднял стекло, кивнул Алене.

Погруженная в раздумья, она проводила машину взглядом и вдруг спохватилась, что не сказала про Рину. Надо найти садовника и сказать ему. Но садовник придет только в двенадцать, а сейчас половина десятого. В десять ее ждут Вик и Энджи. Ладно, она скажет насчет Рины садовнику, когда вернется.